

12+

ЭПОХА ГЛОБАЛЬНОЙ БИФУРКАЦИИ:

эскалация хаоса
и альтернативы человечества

МИХАИЛ ЕЛЬЧАНИНОВ

Михаил Ельчанинов

**Эпоха глобальной
бифуркации. Эскалация хаоса
и альтернативы человечества**

«Издательские решения»

Ельчанинов М. С.

Эпоха глобальной бифуркации. Эскалация хаоса и альтернативы человечества / М. С. Ельчанинов — «Издательские решения»,

В монографии автор глубоко анализирует концепцию эпохи глобальной бифуркации. В первой четверти XXI века наблюдается сложное взаимодействие локальных и глобальных кризисных явлений, включая мировой экологический кризис, кризис капитализма и кризис американской империи. Это усиливает глобальный беспорядок и формирует предпосылки для структурных изменений в мировой системе. Книга адресована политологам, социологам, историкам, а также всем, кто интересуется глобальными проблемами современности.

Содержание

ЧАСТЬ I. ДВИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ПРОПАСТИ:	7
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ	
1.1. Неолиберальные мечты	9
1.2. Политический реализм и иллюзии	10
1.3. Перипетии цивилизаций и геополитические химеры	12
1.4. Эпохальные войны и ход истории	14
1.5. Закат американского империализма	17
2. ЭПОХА ГЛОБАЛЬНОЙ БИФУРКАЦИИ: ЭСКАЛАЦИЯ ХАОСА	19
2.1. Кризис глобализации	20
2.2. Кризис мирового правящего класса	22
2.3. Эскалация глобального социального хаоса	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Эпоха глобальной бифуркации Эскалация хаоса и альтернативы человечества

Михаил Семёнович Ельчанинов

© Михаил Семёнович Ельчанинов, 2026

ISBN 978-5-0070-4589-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВВЕДЕНИЕ

Процессы в современном социальном мире исключительно сложны, противоречивы, динамичны, и любая попытка их социологического исследования приводит к тому, что всякий раз социальный учёный довольно быстро осознает необычайные трудности своего исследовательского проекта. Научный результат, полученный в ходе систематического изучения данной проблематики, как правило, остаётся в рамках философского знания или редуцируется к трюизмам обыденного опыта. В этой эпистемологической ситуации границы теоретической социологии, претендующей на поиск истины, вполне очевидны, особенно в контексте научного исследования социальных метаморфоз, ошеломляющих социологов своим алогизмом и хаосом. Мы очень мало знаем о социальных изменениях, хотя нас постоянно потрясают непредвиденные драматические события, способные запустить цепную реакцию глобальной катастрофы. Особенно резко социальные изменения начали ускоряться в условиях глобализации, когда пространство и время стали уменьшаться благодаря научно-техническим достижениям человека.

Без всякого сомнения, человечеству грозит глобальная бифуркация с непредсказуемым финалом, но схемы восприятия и мышления, сформированные в эпоху локальности, не позволяют нам ясно осознать и понять новизну бифуркационной проблемы. Хотя учёные настойчиво предупреждают о грядущей катастрофе, власть имущие, в свою очередь, пытаются банализировать глобальные риски и во что бы то ни стало сохранить существующую ныне капиталистическую модель, выгодную лишь определённым доминирующим группам или доминирующему классу. Такое поползновение крайне опасно в момент, когда спонтанно нарастают риски локальных кризисов и глобальной бифуркации, а неустойчивый мировой социум становится особенно чувствительным к малым флуктуациям. Несмотря на культурное многообразие в современном мире, кризисные явления и процессы в разных странах приобретают одинаково глобальный характер и демонстрируют устойчивую тенденцию к хаотизации всего мирового социума. Без всякого анализа становится ясно, что проблема эскалации глобального хаоса весьма актуальна и требует всестороннего, существенного изучения.

Вопрос о глобальном кризисе широко обсуждался в социологической литературе такими учёными, как З. Бауман, У. Бек, З. Бжезинский, Ф. Боббитт, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, С. Ю. Глазьев, Л. Е. Гринин, Э. Гэмбл, Дж. Даймонд, М. Г. Делягин, Г. Дерлугьян, М. С. Ельчанинов, К. Калхун, П. Кеннеди, Г. Киссинджер, Р. Коллинз, А. В. Коротаев, В. В. Лапкин, Э. Ласло, М. Манн, И. Моррис, А. П. Назаретян, А. С. Панарин, В. И. Пантин, П. А. Сорокин, Й. Терборн, А. И. Уткин, Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас, С. Хантингтон и др. По данному вопросу существует обширная литература, но тем не менее такой важный его аспект, как эскалация хаоса в современном социальном мире, изучен недостаточно и, естественно, нуждается в дальней-

шем социологическом исследовании. Это чрезвычайно важно, поскольку человечество стало свидетелем уникального парадокса: с одной стороны, оно обладает технологиями, способными нанести катастрофический ущерб в глобальном масштабе, с другой стороны, его деятельность оказывает глобальное воздействие на экосистемы планеты Земля. Это явление, возникшее в результате научно-технического прогресса, порождает новые вызовы и угрозы, связанные с разрушительной планетарной мощью земной цивилизации. Современный мир характеризуется высокой степенью сложности и взаимосвязанности, что значительно затрудняет прогнозирование последствий деятельности человека. В этих условиях возрастает вероятность непреднамеренных катастрофических сценариев, которые могут поставить под угрозу стабильность глобальной экосистемы и благополучие будущих поколений.

Согласно точке зрения М. С. Ельчанинова, новые научные возможности для исследования эпохи глобальной бифуркации содержатся в структурно-синергетической концепции социальных изменений [44; 45; 48].

Цель этой книги — выяснить и проанализировать причины и динамику кризиса человечества, который сопровождается эскалацией глобального хаоса, способного неожиданно перерасти в общепланетарный бифуркационный процесс.

ЧАСТЬ I. ДВИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ПРОПАСТИ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ

1. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА: ИДЕИ И ИЛЛЮЗИИ НА ФОНЕ ЭСКАЛАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ХАОСА¹

Политика — это искусство жить вместе.

Платон

Политика, без сомнения, имеет основополагающее значение для человеческого существования, и в сложных обществах она, видимо, будет существовать всегда. Главное предназначение политики — упорядочить хаос, тающийся в глубине общества и способный в точке бифуркации разрушить государства, общественные отношения, социальные ценности и нормы. В первой четверти XXI века социальный мир насыщен потенциальными рисками грядущей глобальной катастрофы [45].

После окончания холодной войны природа мирового порядка стала предметом серьёзных дебатов и разногласий. Ранние заявления об установлении «нового мирового порядка», разрекламированного западными СМИ как торжество мира и международного сотрудничества, вскоре были заменены разговорами об однополярном мировом порядке, в котором США занимают центральное место в качестве единственной мировой сверхдержавы. Как писал **З. Бжезинский**, «впервые в истории неевразийская держава стала не только главным арбитром в отношениях между евразийскими государствами, но и самой могущественной державой в мире» [6, с. 11].

Тем не менее в силу ряда исторических, экономических и геополитических причин однополярный мир, контролируемый США посредством империалистических средств, был неустойчив. Так, участие Соединённых Штатов в имперских войнах против Афганистана и Ирака, мотивированных политическим страхом после события 11 сентября 2001 года, лишь усилило впечатление упадка США. Несмотря на разрушительные метаморфозы в постсоциалистической России, она по-прежнему остаётся военной сверхдержавой, способной к гарантированному уничтожению Соединённых Штатов. Развивающиеся державы, в частности Китай и Индия, бросают экономический вызов США, оказывая всё более возрастающее влияние на геоэкономические и геополитические процессы в мире. Глобальное сообщество всё более и более сталкивается с рисками, кризисами и катастрофами.

Главным источником глобального хаоса является прогрессирующее ослабление военного, политического, экономического и информационного господства США, которые, как и прежде, пытаются доминировать на мировой арене. На протяжении новой и новейшей истории Россия, обладающая огромными природными ресурсами, не раз становилась объектом западной экспансии (Карл XII, Наполеон, Гитлер). Хотя в настоящее время вооружённые силы России способны уничтожить Соединённые Штаты с помощью ракетно-ядерного оружия, американское правительство не отказывается от своих агрессивных милитаристских планов. Над человечеством висит дамоклов меч третьей мировой войны, но правящий класс Америки готов к беспощадному человеческому жертвоприношению неамериканцев, лишь бы сохранить свою глобальную гегемонию. Воинственное поведение США и НАТО свидетельствует о том, что

¹ Свободная мысль. 2023. №6.

евро-атлантические политики и дальше будут приносить молоху войны кровавые человеческие жертвы. Однако опыт новейшей истории краха империй говорит о том, что, по мере того как будет усиливаться тенденция к закату американского империализма, народы евро-атлантического сообщества будут испытывать нарастающий кризис, хаос и деградацию. Таким образом, смертоносная эскалация глобального политического хаоса актуализирует анализ опыта концептуализации мирового порядка.

1.1. Неолиберальные мечты

После трагического распада СССР в западной политической науке появилось очень много интерпретаций и концепций, в рамках которых политологи, аналитики и эксперты пытались не только осмыслить крах государственного социализма в Восточной Европе, но и наметить пути дальнейшего геополитического развития мирового сообщества. Необычайно популярной стала концепция «конца истории», сформулированная **Фрэнсисом Фукуямой** в знаменитой статье «Конец истории?» [118], а потом значительно расширенная в книге [119]. В ней он использует философские идеи Гегеля, Маркса и Кожева, но, конечно, главное значение имеет её политико-идеологический подтекст, насыщенный апологетическими обертонами, которые вызывают ассоциации с навязчивым американским пиаром. В атмосфере посткоммунистической эйфории либерально-утопические идеи Фукуямы вызвали на капиталистическом Западе взрыв безмерного восторга. Отнюдь не случайно этот претенциозный текст стал своего рода сенсацией в политологическом сообществе и вызвал широчайшие отклики во всем мире. Несмотря на некоторую критику, статья сопровождалась непрерывным восхвалением экономического и политического либерализма. Сегодня, разумеется, можно более спокойно и непредвзято оценить содержание работы Фукуямы, в которой он решительно возвещает о «конце истории».

Согласно фукуямовской концепции, история есть движение общества от феодальной монархии к либеральной демократии, и крах СССР свидетельствует о бесспорном триумфе либеральной идеологии. Конец истории означает, что либеральная демократия одержала окончательную победу над своими политическими антагонистами — феодальной монархией, фашистской тоталитарной диктатурой и, наконец, коммунистическим государством. Как ни удивительно, Фукуяма провозглашает наступление постистории, в которой больше нет противоречий и конфликтов, поскольку в мировой истории царствует единственный дух — дух либерализма, детерминирующий грядущее развитие человечества. Постистория утрачивает драматический смысл, свойственный прошлой истории, и теперь содержание постисторической эпохи обусловлено либерализмом, доминирующим в мире в качестве единственной универсальной идеологии, причём, по оценке Фукуямы, её основные положения безупречны и совершенны. Во всяком случае, их невозможно изменить в лучшую сторону в контексте общественной практики. Как он утверждает, «...более не будет прогресса в развитии принципов и институтов общественного устройства, поскольку все главные вопросы будут решены» [107, с. 9].

Таким образом, под «концом истории» Фукуяма понимает глобальное распространение либеральной идеологии и западной культуры, придавая им универсальный смысл. Процесс внедрения западной культуры в остальные общества считается неоспоримой победой экономического либерализма, которая, по его мнению, является предвестником политического либерализма, триумфа капитализма и полной победы либерального Запада.

Однако сегодня становится особенно очевидно, что концепция Фукуямы является изощрённым идеологическим продуктом, оправдывающим однополярный мир, в котором безраздельно доминируют воинствующие США и их послушные сателлиты. Попытки Штатов осуществлять американизацию мира с помощью агрессивных войн в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и Украине создали взрывоопасную ситуацию, чреватую хаотическим балансированием мирового сообщества на грани ядерной войны. Эмпирические факты свидетельствуют о том, что концепция «конца истории» явно противоречит объективным реалиям современной мировой политики.

1.2. Политический реализм и иллюзии

По сравнению с фукуямовской концепцией «конца истории» **Збигнев Бжезинский** предлагает в работе [6] более откровенный и реалистический анализ американской геостратегии. Цель США — обеспечение своего долговременного геополитического господства в качестве единственной глобальной сверхдержавы. Основным объектом американской геостратегии является Евразия. В его концептуальной схеме Евразийский континент рассматривается как «великая шахматная доска» с различными геополитическими фигурами. Под американской эгидой они должны разыграть своего рода партию геополитического плюрализма, отвечающего интересам глобального гегемона. Геополитические интересы евразийских государств мало волнуют Бжезинского, поскольку единственным субъектом евразийской политики является только Америка.

Согласно Бжезинскому, Соединённые Штаты стремятся к созданию стабильного равновесия на Евразийском континенте, причём под своим геостратегическим контролем, чтобы быть арбитром в евразийских делах. Цель американской политики заключается в том, чтобы всеми способами не допустить возникновения на мировой арене сильного геополитического актора, способного к доминированию на евразийской шахматной доске и тем самым бросающего вызов гегемонии США. Евразия — основное геополитическое пространство, где, как и прежде, идёт борьба за глобальное господство, и Соединённые Штаты должны сформулировать новую геостратегию, необходимую для управления своими геополитическими интересами [6, с. 12].

Распад СССР как трансконтинентальной империи стал серьёзным геополитическим вызовом для Америки. По мнению Бжезинского, Россия — «чёрная дыра» в самом центре громадного евразийского пространства, но рано или поздно Россия начнёт свою традиционную политику по объединению русских земель под эгидой Москвы. В силу этого резко возрастает геополитическая роль Украины, поскольку на евразийской шахматной доске она должна стать противовесом России, если российская политическая элита начнёт проводить политику реставрации евразийской империи.

После трагических событий 11 сентября 2001 года Бжезинский внёс коррективы в свою геополитическую концепцию гегемонии США как единственной мировой сверхдержавы. Опыт современной истории показывает, что мировое господство Америки вызывает оппозицию различных государств, преследующих свои национальные интересы. Соединённые Штаты слишком прямолинейно и грубо осуществляют своё безраздельное доминирование в мире и, конечно, рискуют превратиться в осаждённую крепость, которая будет сражаться с многочисленными врагами. Кризис Америка как мировой сверхдержавы может ввергнуть человечество в состояние глобального хаоса. Геополитическая ситуация осложняется экзистенциальными угрозами выживанию человечества. Планетарные вызовы оказывают нарастающее давление на все страны мира, и они будут двигаться «либо к глобальному сообществу, либо к глобальному хаосу». Ни одна страна не может игнорировать эту чрезвычайно рискованную дилемму, но, с точки зрения Бжезинского, именно «на американцах лежит уникальная историческая ответственность за то, каким из двух этих путей пойдёт человечество» [7, с. 12]. Несмотря на объективные трудности, Соединённым Штатам необходимо сделать тщательно продуманный выбор между мировым господством, организованным посредством силы, и глобальным лидерством, основанным на согласии мирового сообщества.

Оценивая в работе [8] результаты американской геостратегии через пятнадцать лет после падения Берлинской стены, Бжезинский отмечал, что глобальное господство Америки сталкивается с новыми геополитическими вызовами, на которые она даёт неэффективные ответы. Соединённым Штатам так и не удалось воспользоваться редчайшим шансом, возникшим после

распада СССР. В результате США теперь повсюду встречаются с открытой враждебностью, доверие к ним рушится, их вооружённые силы не очень успешно участвуют во многих локальных войнах, а в мировом общественном мнении широко распространено отрицательное отношение к Америке. Более того, подъем на вершину мирового Олимпа Китая, Индии и Японии вызывает растущую нестабильность всей геополитической иерархии. «Соединённые Штаты по-прежнему главенствуют, однако легитимность, эффективность и прочность этого лидерства вызывает всё больше сомнений у мирового сообщества, наблюдающего, как Штаты вязнут во внутренних и внешних противоречиях» [9, с. 34]. Несмотря на кризис американской сверхдержавы, Бжезинский тем не менее уверен, что у США есть «ещё один шанс», чтобы обеспечить своё долгосрочное глобальное лидерство. Чтобы его успешно реализовать, Соединённым Штатам следует выбрать геостратегию глобального лидерства, но трудная дилемма: мировое господство или глобальное лидерство — до сих пор не разрешена. Вашингтон продолжает претворять в жизнь имперский вариант. Однако ход истории, новые соперники на мировой сцене и непредсказуемый политический хаос делают этот вариант слишком разрушительным и практически недостижимым.

1.3. Перипетии цивилизаций и геополитические химеры

На политическую науку заметное влияние оказали геополитические идеи **Сэмюэла Хантингтона**, впервые сформулированные им в статье [122], а затем более глубоко и основательно развитые в книге [123]. Макросоциологическое представление о столкновении цивилизаций позволяет с помощью нового концептуального языка рассмотреть новый международный контекст, который появился после краха СССР и восточноевропейского социализма. По мнению Хантингтона, «главная идея этой книги заключается в том, что в мире после холодной войны культура и культурные идентичности, которые на самом широком уровне являются цивилизационными идентичностями, формируют модели сплочённости, дезинтеграции и конфликта» [123, р. 20].

Действительно, биполярная модель мировой политики уже не работала. Во всяком случае, с помощью этой модели было очень трудно объяснить динамику и перспективы геополитического развития мирового сообщества в новых исторических условиях. Само собой разумеется, нужны были новые идеи, и Хантингтон выдвигает новую концепцию. Центральный тезис этой концепции состоит в том, что современная международная политика формируется вдоль цивилизационных демаркаций, часто не совпадающих с границами национальных государств. Текущая мировая политика, по Хантингтону, перестала быть дуальной и постепенно трансформируется в многополюсную и многоцивилизационную. На мировой арене появились новые геополитические акторы — цивилизации, и «соперничество сверхдержав сменяется столкновением цивилизаций» [108, с. 24]. Таким образом, современная глобальная политика приобретает многоцивилизационный характер.

По Хантингтону, соотношение геополитических сил и возможностей между цивилизациями меняется далеко не в пользу Запада. Действительно, относительная роль западной цивилизации в международных отношениях уменьшается, тогда как азиатские цивилизации, особенно Китай, напротив, наращивают свою экономическую, военную и политическую мощь. Особый вызов Западу бросает исламская цивилизация, демонстрирующая демографический взрыв и эксцессы религиозного фундаментализма, что дестабилизирует мусульманские государства и мир в целом. Идея универсальной цивилизации уже не привлекает незападные цивилизации, которые все более и более подтверждают свою приверженность своим специфическим культурам.

Согласно Хантингтону, фундаментальной чертой формирующегося мирового порядка является его цивилизационное начало. В текущей глобальной политике преобладает историческая тенденция к объединению и сотрудничеству стран в рамках своей самобытной цивилизации. Попытки навязать всякой незападной цивилизации универсальную (европоцентрическую) цивилизационную модель вызывают, как показывает опыт истории, весьма плохие последствия. Европоцентрический универсализм Запада и его непомерные геополитические претензии приводят к конфликтам и войнам с другими цивилизациями. По мнению Хантингтона, особенно велики риски столкновения Запада с мусульманскими государствами и Китаем.

Предлагая глобальную геополитическую формулу «Запад и остальные» [108, с. 18], он, по существу, призывает Запад консолидироваться, чтобы дать превентивный ответ на потенциальный вызов незападных цивилизаций. Этот мрачный милитаристский призыв способен вызвать крайне негативные геополитические следствия, поскольку остальные страны будут вынуждены реагировать на агрессивные глобальные притязания США и НАТО. «Запад пытается и будет пытаться сохранить своё главенствующее положение и защищать свои интересы, определяя эти интересы как интересы „мирового сообщества“» [108, с. 282]. По сути дела, Хантингтон невольно признаёт, что Соединённые Штаты и их союзники ведут непрерывную борьбу со всеми странами, которые не входят в состав западной цивилизации и пытаются

защищать свои национальные интересы. Так что будущее Запада будет определяться тем, в какой степени он сможет объединиться и сплотиться, чтобы ответить на многие цивилизационные вызовы и сохранить своё глобальное первенство. Следовательно, сценарий столкновения цивилизаций на мировой арене становится эмпирически неизбежным, но Хантингтон всё-таки надеется, что Западу удастся, как бы там ни было, обеспечить глобальную безопасность. Прежде всего Западу необходимо отказаться от универсалистских притязаний и воспринимать свою цивилизацию как уникальную, а США должны подтвердить свою западную идентичность. Кроме того, предотвращение глобальных войн цивилизаций зависит от того, насколько мировые лидеры примут многоцивилизационный характер глобальной политики и будут сотрудничать для его поддержания в качестве нового принципа международных отношений [108, с. 16].

В общем и целом книга Хантингтона производит мрачное впечатление. Главной в ней является макабрическая идея о неотвратимости межцивилизационных войн в современном мире. По существу, Хантингтон призывает западные государства мобилизоваться для войны с остальными цивилизациями, которые могут бросить вызов глобальному могуществу Запада, прежде всего США. Фактически мировому сообществу навязывается опасная идеологическая установка: столкновение цивилизаций трагически неизбежно. Хантингтон убеждён, что «центральной осью мировой политики после окончания холодной войны является... взаимодействие могущества и культуры Запада с могуществом и культурой незападных цивилизаций» [123, р. 29]. Собственно, он демонстрирует открытую заинтересованность в том, чтобы предупредить ослабление политического, экономического и особенно военного доминирования США, слегка завуалированного историко-философской риторикой о конфликте цивилизаций. Абстрактная доктрина, моделирующая будущее человечества в соответствии с конфронтационной логикой, выгодна главным образом Америке как единственной сверхдержаве. Военная акция НАТО против Сербии, войны США в Афганистане, Ираке, Сирии, Ливии, гибридная война НАТО против России вполне соответствуют агрессивному сценарию столкновения цивилизаций.

1.4. Эпохальные войны и ход истории

В своей фундаментальной работе [10] **Филип Боббитт** развивает концепцию эпохальных событий, к которым он относит как эпохальные войны, так и великие революции. Согласно этой концепции, в мировой истории существенные преобразования происходят благодаря эпохальным событиям, главным образом эпохальным войнам, которые изменяют всё: государство, легитимность власти, конститутивные принципы государственного устройства, принципы международных отношений и т. д.

Как считает Боббитт, главными акторами всемирной истории являются государства, которые возникают и развиваются благодаря «взаимосвязи между военными инновациями и изменениями конститутивного строя», «взаимосвязи между конститутивным строем и международным порядком». Будучи главным актором мировой политики, государство, точнее, определённый тип государства в ходе эпохальной войны одерживает победу и получает соответствующую победоносную легитимацию. Иначе говоря, источником легитимности государства является не народ, а само государство с конкретным конститутивным строем, победившее в ходе определённой эпохальной войны. Наиболее крупные преобразования в государстве и международных отношениях осуществляются под воздействием эпохальных войн.

По мнению Боббитта, формирование современного мира, в котором государства-нации и соответствующие принципы международных отношений играют решающую роль, было сложным историческим процессом преобразований армий, финансов и бюрократии, обусловленным эпохальными войнами. Как он утверждает, «сценарий эпохальных войн и формирования государств, мирных конгрессов и международных конституций разыгрывался на протяжении пяти веков до конца прошедшего тысячелетия» [11, с. 33]. В этом грандиозном сценарии Боббитт выделяет шесть эпох [11, с. 556]: эпоху княжеского государства (1494—1620), эпоху королевского государства (1567—1702), эпоху территориального государства (1688—1792), эпоху нации-государства (1776—1914), эпоху государства-нации (1863—1991) и период становления рыночного государства (1989).

Современную эпоху Боббитт определяет как продукт Долгой войны, которая началась с Первой мировой войны и закончилась только с крушением СССР. Согласно его точке зрения, «Долгая война... велась для того, чтобы определить, какой тип государства заменит имперские государства Европы, возникшие в XIX веке по окончании французских революционных войн...» [11, с. 77]. Внутри ряда государств и на мировой авансцене развернулась жесточайшая борьба между тремя новыми конститутивными формами: парламентской демократией, коммунизмом и фашизмом. Особенно драматично, по мнению Боббитта, три принципа государственности конкурировали друг с другом внутри нестабильной послефевральской России и нестабильной послевоенной Германии.

Коммунистический принцип государственности стал особенно быстро формироваться в контексте хаотического процесса Февральской революции. Военные неудачи российской армии в Первой мировой войне явились решающим фактором революционных потрясений в царской России. 2 марта 1917 года Николай II подписал Манифест о своём отречении от престола. Многовековое самодержавие в России прекратило своё историческое существование. В свою очередь Временное правительство стремилось к установлению в стране парламентской демократии западного образца, но политические реформы потерпели поражение. В ходе Октябрьской революции 1917 года победу одержали большевики во главе с В. И. Лениным и утвердили в стране новую форму государственности — диктатуру пролетариата. По мнению Боббитта, в ходе Гражданской войны в России конфликт между коммунизмом, парламентаризмом и фашизмом достиг решающей фазы. Несмотря на трагические перипетии Гражданской войны, историческую победу одержала коммунистическая альтернатива, а значит, и

новый принцип государственности — коммунистический. Легитимность Советского государства теперь подкреплялась «и революционным прошлым, и победой в Гражданской войне» [11, с. 86].

Версальский мирный договор 1919 года утвердил одну из версий конституционного порядка (парламентскую демократию), но в итоге не положил конец глубокому конфликту между диаметрально противоположными архетипами государственности. По сути, Версаль закрепил новый конститутивный порядок, утвердив государства-нации, однако существенные противоречия в мире не были разрешены. Новая форма государственного устройства (парламентская демократия) предусматривала выбор либеральной идеологии, но не все европейские государства были с этим согласны. Так, СССР, Италия и Германия не только не приняли итогов Версальского договора, но и отрунули парламентскую демократию как принцип государственного строительства. Долгая война продолжалась именно потому, что стала непримиримой борьбой за кардинально разные конститутивные принципы государственности.

Наиболее трагический и фундаментальный вызов парламентской демократии бросил фашизм — радикальная правая ультранационалистическая идеология. Возникновение фашизма и нацизма в Европе стало возможным в результате целого ряда условий. Кризис европейской цивилизации не был разрешён в ходе Первой мировой войны: между ведущими государствами Запада продолжалась борьба за рынки сбыта товаров и сфер приложения капитала, за региональное и мировое господство, за новый передел мира. Послевоенные социально-экономические трудности вызвали сильную политическую нестабильность. Политическая борьба между демократами, коммунистами и правыми становилась всё более ожесточённой и порождала беззаконие, насилие, страх. В правом политическом спектре начали завоёвывать позиции ультранационалистические идеи фашизма.

После окончания войны Германия столкнулась с огромными проблемами. Немцы были травмированы поражением в Первой мировой войне и унижительным мирным урегулированием, которое привело к потере значительной территории страны. Условия Версальского мира для Веймарской республики были весьма неблагоприятными и вызвали далекоидущие социально-экономические и политические последствия. Немцы были крайне возмущены, когда им сообщили об условиях Версальского договора. В немецком обществе возник острый социально-психологический кризис, политически опасный и разрушительный для молодой демократии. Ведь большинство немцев считали, что в годы войны их армия не потерпела окончательного поражения, тем более что она вела военные действия на территории других стран. Неудивительно, что немцы восприняли условия Версальского договора как национальный позор. Ещё большее негодование у них вызвало то, что на Германию была возложена вся вина за начало войны. Версальский договор, безусловно, вызвал взрыв националистических страстей. В конечном счёте массовое сознание германского общества было надолго отравлено болезненным реваншизмом, что дало сильный импульс к развитию фашистских политических идей [12, с. 330—336].

Таким образом, одним из исторических вариантов решения острых проблем Германии и, в частности, вопроса о принципе государственности стал фашизм (национал-социализм). В атмосфере политического хаоса возникали различные правые партии, которые проповедовали националистическую идеологию. Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП) верила в корпоративный порядок и сильное авторитарное государство, организованное на военной основе и направленное против и либеральной демократии, и интернационального коммунизма. Нацисты требовали отмены Версальского мирного договора, пропагандировали идею реваншистской войны, призывали к борьбе с большевистской угрозой, разжигали расизм, шовинизм и антисемитизм. В 1933 году нацисты во главе с Гитлером пришли к власти, а уже в 1939 году фашистская Германия, напав на Польшу, развязала Вторую мировую войну. По мнению Боббитта, в этой войны фашистские государства потерпели поражение, и принцип

фашистской государственности был полностью дискредитирован вместе с фашистской идеологией [11, с. 92—108].

Хотя фашистские государства, которые участвовали во Второй мировой войне, были ликвидированы, Долгая война не закончилась, поскольку между США и СССР началась холодная война. Согласно точке зрения Боббитта, холодная война была продолжением Долгой войны как исторической борьбы между парламентской демократией и коммунистическим государством. В итоге Долгая война завершилась только тогда, когда СССР и его восточноевропейские союзники потерпели поражение в холодной войне. Победа Запада в Долгой войне завершилась банкротством и коммунистического принципа государственности. Таким образом, парламентская демократия как тип государственного устройства одержала победу и стала доминирующим конститутивным принципом государственности.

Падение Берлинской стены и распад СССР — исторический финал Долгой войны, завершившей борьбу парламентаризма, коммунизма и фашизма в качестве конститутивных принципов государства. Хотя либеральная демократия (парламентаризм) одержала победу, конец истории как вечный триумф либерализма не наступил. Как указывает Боббитт, «новый конституционный порядок — рыночное государство — уже на пороге. Но если сценарий предыдущих эпох повторится, то стоит ждать и новую эпохальную войну, которая разрушит не одно государство» [11, с. 33]. Таким образом, наиболее вероятная историческая перспектива в XXI веке — новая эпохальная война с огромными разрушительными последствиями и непредсказуемым геополитическим финалом для всего человечества.

1.5. Закат американского империализма

Фундаментальный четырёхтомный труд англо-американского социолога **Майкла Манна** посвящён исследованию социальной власти на протяжении всемирной истории [70]. Составной частью этой огромной работы является вопрос о мировом порядке после окончания холодной войны.

Манн использует теорию империализма [30; 31; 66], чтобы описать мировой порядок после краха СССР, но делает это весьма своеобразно. Он избегает глубокого теоретического анализа, предпочитая классификационный подход, который далеко не оригинален в его социологическом исследовании. По сути, он предлагает упрощённый анализ, который позволяет ему сделать простой вывод о том, что империи различаются. Он выделяет несколько основных типов империи: 1) прямые империи; 2) косвенные империи; 3) неформальные империи: 3a) неформальные империи канонеров; 3b) неформальные империи через ставленников; 3c) экономический империализм; 4) гегемония [71, с. 25—31].

По мнению Манна, США широко используют основные империалистические стратегии: 1) экономический империализм и 2) военный империализм.

Экономический империализм базируется на основе доходов от эмиссии доллара, тогда как военный империализм основную ставку делает на военное могущество и военные интервенции, но без оккупации стран, которые стали объектом имперской агрессии. При этом решающая роль в способности США оказывать подавляющее воздействие на поведение своих противников и союзников на международной арене отводится военной силе. Как отмечает Манн, «США отличались от большинства прежних империй тем, что не стремились создать колониальную империю, правящую напрямую, они желали стать неформальной империей с государствами-сателлитами» [72, с. 404]. По существу, Соединённые Штаты создали новый тип глобальной империи, обеспечивающей принуждение и влияние без занятия территории страны военной силой. Такая страна просто превращается в послушного сателлита американского империализма, демонстрирующего подавляющее военное и экономическое могущество. «Неформальная империя, — пишет М. Манн, — равно как и гегемония, в отличие от обладания колониями, требует меньшего политического и идеологического вмешательства в дела периферии, к тому же в случае с США переселенческие колонии были невозможны, поскольку не было переселенцев. Поэтому, хотя Америка располагала гораздо большей *экстенсивной* властью, чем любая другая империя, превосходя всех своей потенциальной военной и реальной экономической властью, её господство было в известном смысле менее *интенсивным*, чем господство предыдущих империй. Обычно США держались на расстоянии и правили опосредованно — через ставленников» [72, с. 34].

После краха СССР и восточноевропейского социализма ускорился процесс перехода власти от государств к транснациональному финансовому капиталу. «Глобальность этого процесса проявлялась и в том, что различные страны одна за другой были вынуждены уступить управление потоками капитала международному финансовому капиталу» [72, с. 399]. Вследствие этого в мировой экономике стали доминировать США, точнее, американское правительство и американские финансисты. По мнению Манна, «это был своего рода дуалистический империализм Соединённых Штатов и транснационального финансового капитала, действовавший за счёт остальных государств-наций» [72, с. 399]. Однако дуалистический империализм начал терять своё доминирующее положение, когда страны Восточной Азии сумели найти новые способы финансирования своих экономик, а левые в странах Латинской Америки воспрепятствовали планам США по созданию в Северной и Южной Америке единой зоны свободной торговли. Манн утверждает, что «Великая неолиберальная рецессия в ещё большей

степени изменила соотношение сил не в пользу американского и северного капитализма» [72, с. 399].

Суть американского военного империализма состоит в том, что в военном отношении Соединённые Штаты многократно превосходят любое государство на планете. После холодной войны империалистические круги США всё чаще и чаще используют военную агрессию против тех стран, которые являются политическими или военно-торговыми партнёрами России (Сербия, Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия). Однако, демонстрируя геостратегию военной экспансии, Вашингтон до сих пор не создал классической империи. Действительно, США, как правило, используют экономические, дипломатические и информационные формы господства. Опираясь на глобальную сеть военных баз, Соединённые Штаты доминируют в мировой политике. Своё могущество они также поддерживают тем, что пользуются стратегией передачи военных рисков другим государствам, позволяющей уменьшить потери среди американцев. После распада СССР правящие круги США считали, что «эпоха величайшей империи только начинается» [72, с. 404].

По мнению Манна, начиная с 2001 года американская гегемония превратилась в воинствующий милитаризм, но причины подобного превращения остаются невыясненными. Действительно, Манн провёл элементарный анализ, и глубинные причины империалистического поведения США были сведены к безрассудству отдельных «ястребов». Он детально описывает некоторые аспекты имперской политики США, например, войну в Ираке и Афганистане, тем не менее у него отсутствует систематический анализ сущности американского империализма. Фактически он ограничивается классификацией основных форм империи и описанием тех форм, которые характерны для внешней политики США. Он игнорирует классическую теорию империализма, однако простой классификационной схемы явно недостаточно, чтобы понять процесс формирования военного американского господства после окончания холодной войны. Сложные и глубокие причины милитаризации внешней политики Америки Манн объясняет случайностями, личными поступками тех или иных политиков, прежде всего неоконсерваторов. Тем не менее, следуя логике фактов, Манн делает нелицеприятный вывод: «Теперь США уже не несут порядок миру. События последнего десятилетия подтверждают обратное: США изменяют баланс в пользу беспорядка...» [72, с. 465].

Собственно, упадок американского империализма в мире вполне очевиден. Соединённые Штаты взвалила на себя слишком много непомерных милитаристских задач и потому испытывают нарастающие трудности, особенно в области международных отношений. Правящий класс США высокомерно отвергает возможности прогрессирующих глобальных конкурентов и стимулирует политический хаос в мировом сообществе. Как пишет Манн, «мир на планете во многом зависит от того, насколько достойно будет приходить в упадок Америка» [72, с. 471].

Таким образом, концепции мирового порядка, рассмотренные выше, нетривиальны, но у них есть один общий недостаток: они игнорируют хаотический аспект глобальной политической динамики. Фактически США и НАТО реализуют крайне агрессивную геостратегию и тем самым подвергают смертельной опасности будущее не только Запада, но и всего человечества. Земная цивилизация представляет собой уникальное разумное, культурное и технологическое явление в истории планеты Земля, но, к несчастью, это прекрасное человеческое творение может совершенно случайно и трагично исчезнуть в хаосе глобальной катастрофы.

2. ЭПОХА ГЛОБАЛЬНОЙ БИФУРКАЦИИ: ЭСКАЛАЦИЯ ХАОСА

Это бич времени, когда безумные ведут слепых.
В. Шекспир

Современный мир, сотрясаемый природными, техногенными и гуманитарными катастрофами, втягивается в водоворот глобальной турбулентности. Многочисленные деструктивные флуктуации свидетельствуют о том, что в мировом социуме обостряются как локальные, так и глобальные кризисы, которые могут неожиданно трансформироваться в общепланетарную катастрофу. Эта трагическая историческая альтернатива, несмотря на извечные иллюзии людей, становится наиболее вероятной. Объективные факторы мирового кризиса усугубляются упадническими ожиданиями, которые всё сильнее охватывают мировое общественное сознание. На первый взгляд это все выглядит необычайно парадоксально, потому что ещё вчера капитализм демонстрировал триумфальное шествие по планете, искусно маскируя свои имманентные трудности и проблемы. Тем не менее сегодня мировой кризис имеет отчётливую тенденцию к эскалации в глобальном масштабе и продолжает свою сумбурную, хаотическую манифестацию во многих странах мира. Между тем, кроме вездесущего пиара, никаких эффективных стратегических решений и альтернатив попросту нет, хотя мириады экономистов, менеджеров, маркетологов и специалистов в области информатики анализируют огромные объёмы данных. Как ни странно, фабрики мысли молчат или банально комментируют то, что всем давно известно. Вопреки очевидным фактам большинство экспертов интерпретируют кризисные процессы в рамках циклических представлений, внушая массе избитую мысль о том, что всё это уже было и, следовательно, нет особых оснований для тревоги. Такое механическое использование идеологических схем пока даёт нужный пропагандистский результат, но одновременно порождает новые риски и случайности, опасные как для властей предрекающих, так и для всего мирового сообщества. Без всякого сомнения, мировой кризис проблематизирует будущее капиталистической системы, хотя ангажированные эксперты по инерции репродуцируют неоригинальную мифологию о том, что капитализм вечен, связывая его с несовершенством человеческой природы. Правительства ведущих капиталистических государств совсем недавно делали шумные и аффектированные заявления о конце кризиса, но сейчас всё более и более осознают, что это была лишь временная и неустойчивая стабилизация мировой экономики. Несмотря на декларации об исключительности и безальтернативности капитализма, наступает новая волна социальных потрясений, и неолиберальные капиталистические мифы опять подвергаются серьёзному испытанию, особенно на фоне нарастающего глобального системного кризиса.

2.1. Кризис глобализации

По сути, понятие глобализации выступает имплицитным названием процесса ускорения истории, но это понятие легко включается в любую систему политических представлений, и потому оно получило широкое распространение в социальных науках. Подобная лингвистическая игра особенно широко применяется, например, в политике глобализма, осуществляемой на геополитической авансцене крупными акторами мировой политики, главным образом США. Глобализация затрагивает все наиболее важные социальные практики на локальном уровне, вынуждая людей следовать универсальной логике унификации и стандартизации, что по сути своей означает постепенное исчезновение самобытных локальных культур и суверенных государств. По мнению **Э. Гидденса**, «глобализация перестраивает наш образ жизни, и весьма основательно. Она надвигается с Запада, несёт отпечаток политического и экономического могущества Америки и приводит к крайне неоднозначным последствиям» [29, с. 19—20].

В условиях глобализации существенно изменяется роль геокультурного пространства. В прошлом политическая власть была в значительной степени обусловлена географией, и любое государство осуществляло контроль над определённой территорией. Именно пространство порождало институты власти, которые устанавливали и охраняли границы государства. Если в силу разных причин контроль государства над территорией ослабевал, то правящий класс рисковал утратить свой легальный и легитимный статус, страну могла постигнуть участь колонии. На протяжении истории территория была главным объектом военной агрессии. Альфой и омегой любой войны было территориальное завоевание, замаскированное гуманитарными абстракциями и коллективной глупостью. В наше время отношения государства и пространства существенно меняются. Под воздействием глобализации традиционные границы государства утрачивают своё прежнее, доминантное значение и становятся все более прозрачными для движения людей, капитала, информации, товаров.

В результате глобализации также уменьшается значение внешней политики суверенных государств, поскольку формируется единое глобальное общество, которое нуждается в мировой внутренней политике. Уже сегодня существует объективная потребность в трансформации локальных структур государственной власти, хотя возможность мирового правительства до сих пор остаётся предметом публичных споров и дискуссий. Мировой кризис, с одной стороны, усиливает роль национальной идентичности, провоцируя различные манифестации национализма, с другой — стимулирует развитие универсальных институтов, ценностей и норм.

В эпоху глобализации доминируют Соединённые Штаты, претендующие после распада СССР на статус единственной супердержавы. Войны в Сербии, Ираке, Афганистане, Сирии, Иране и других странах — это попытки достижения милитаристской монополии и, следовательно, сохранения экономического доминирования США посредством грубой военной агрессии, закамуфлированной под гуманитарные акции защиты свободы и демократии. Унификация мира по американскому образцу инсценируется как закономерный процесс развития человеческой цивилизации. После Второй мировой войны Соединённые Штаты выступали в роли глобальной геополитической силы, структурирующей социальный хаос на всем мировом пространстве, где могут временно проявиться партикулярные и этнические реакции на процесс глобализации. Мировой кризис развеял американскую мечту о США как единственной сверхдержаве, безраздельно господствующей во всем мире. Несмотря на их милитаристские эскапады, мир в начале XXI века формируется как многополюсный, в котором ось экономической истории смещается в Азию [28, с. 169—179]. Воинствующие притязания США на статус супердержавы оказались по большому счёту несостоятельными, особенно в свете хаотических процессов, потрясающих экономики развитых стран и, в частности, Соединённых Штатов.

Американский правящий класс открыто демонстрирует свои имперские поползновения, но бряцание оружием пугает уже не всех, а Россия неожиданно стала защищать свои геополитические интересы. Это вызвало странную и лицемерную реакцию Запада, и он явно не желает занять реалистическую позицию и непредвзято посмотреть на объективные процессы в мировой истории. Правда, у западного правящего класса ещё есть существенный аргумент: постсоциалистические страны, за исключением России и Белоруссии, следуют в фарватере внешней политики США. Более того, некоторые аутсайдеры на политической сцене готовы в приступе мазохистского самоуничтожения превратить свои страны в инструмент реализации геополитических амбиций США и НАТО.

Таким образом, в настоящее время перестройка мирового геополитического поля приобретает военный характер. Пока у формирующейся многополярной структуры мира ещё нет чёткой конфигурации, но совершенно ясно, что новый мировой порядок не будет PAX AMERICANA. Хотя будущее мирового сообщества открыто и возможны непредвиденные альтернативы исторического развития, тем не менее многополюсный характер глобальной геополитической системы вырисовывается всё более отчётливо.

По существу, переход к многополярному устройству мира требует принципиально нового взгляда на всемирную историю. Речь идёт в первую очередь об интеллектуальной и политической переоценке опасной идеи неотвратимости столкновения цивилизаций [108]. Геополитическая реализация хантингтоновской доктрины цивилизационных столкновений чревата войной всех против всех, причём оружием в этой войне будет оружие массового поражения. Вот почему нам нужен мир, и этот мир должен быть в виде красочного, многоцветного единства всех народов и культур, образующих сложный мультикультурный синтез человечества.

2.2. Кризис мирового правящего класса

Власть имущие настойчиво и агрессивно борются за свои корпоративные интересы, верно понимая, что самое главное — завоевание и удержание политической власти, и в этом аспекте сильные мира сего, конечно, умеют бороться в поле политики, но, к сожалению, не умеют эффективно осуществлять власть в общенациональных интересах. Как утверждает **М. Манн**, «усилиями неolibералов значительно увеличена мощь финансового сектора, особенно в англосаксонских странах и странах, накопивших задолженность перед иностранцами. Сильнее всего неравенство выросло, а социальное гражданство сократилось в ведущей англосаксонской стране — США... Это ускорило наступление Великой неolibеральной рецессии, а в ближайшее время, похоже, вызовет ещё одну» [72, с. 523].

Конечно, тяжёлые последствия мирового кризиса неминуемо затрагивают большинство людей, но политики продолжают разыгрывать свою смехотворную политическую комедию, чтобы завуалировать драматически трудные социальные вопросы, бомбардируя свой электорат затаस्कанными неolibеральными словами, лозунгами и воззваниями. Мир катится в пропасть, но мировой правящий класс надеется, что им удастся обмануть хитроумный ход истории. Пока власть имущие более или менее контролируют поле политики и отсюда делают недальновидный вывод о вечности своего доминирующего статуса, связанного с многочисленными привилегиями. Это весьма рискованное заблуждение, которое игнорирует трагические уроки истории и мистифицирует не только массы, но и экспертов, искажая восприятие суровых реалий мирового кризиса. По мнению Э. Фромма, «...эгоизм, порожаемый системой, заставляет её лидеров ставить личный успех выше общественного долга. Никого больше не шокирует то, что ведущие политические деятели и представители деловых кругов принимают решения, которые служат их личной выгоде, но вредны и опасны для общества» [105, с. 23].

В современной информационной политике, оправдывающей верховную власть, широко используют технологии рекламы, пиара и виртуальной гиперреальности, что, несомненно, является серьёзной угрозой свободе человека и общества. Использование подобного инструментария чревато риском превращения общества в управляемую виртуальную толпу, которая будет послушно выполнять латентные приказы и инструкции анонимных производителей идеологических симулякров. По сути, уже сегодня человеческая масса существует в мире симулякров, которые невероятно разнообразны и красочны, что открывает бесчисленные возможности для дискредитации рационального знания и оглушения масс, дезорганизованных хаотическим множеством сюрреальных фикций, иллюзий, химер. Неустойчивое состояние общества делает практически невозможным применение рациональной логики, необходимой для непредвзятого анализа критической ситуации и исторических альтернатив, и массы вольно или невольно оказываются во власти иррационализма и абсурда.

Цифровой век свидетельствует, что развитие мирового сообщества во многом связано с массовой культурой и массовым сознанием. Хотя власть имущие научились форматировать управляемые массы сообразно своим групповым интересам, спонтанные сложности и риски в области коллективного поведения сохраняются, так как их социологическое предупреждение пока практически невозможно. Несмотря на то, что масса остаётся молчаливым большинством, мировой олигархии с каждым годом становится все труднее и труднее сохранять свои безмерные привилегии (согласно данным журнала *Forbes*, в 2022 году совокупное состояние 2668 миллиардеров достигло 12,7 трлн долларов) [33]. *Манипулируя массой, глобальная олигархия превращает её в обскурантистскую общественную силу, направленную против идеалов Просвещения: свободы, демократии, науки, равенства и справедливости.* Громадная пропагандистская машина транслирует лишь мнения, выгодные властям предержащим, а элементы рационального знания, как это ни абсурдно, дипломированные лакеи используют для более

изошрённого оболванивания человеческих масс. Проблема достоверности социального знания также осложняется тем, что социальные и гуманитарные науки утрачивают свой научный престиж, потому что массы теперь предпочитают социальные сети и мифологические представления, освящённые универсальным авторитетом магического Интернета.

Проблема рационального знания и экологического просвещения усугубляется ещё тем, что масса во второстепенных или абстрактных вопросах демонстрирует лояльность по отношению к правительству и массмедиа, но в важном деле, которое прямо затрагивает её жизненные интересы, она становится невероятно эгоистичной и попросту игнорирует атаки идеологической мегамашины. Как указывает **Ж. Бодрийяр**, «...масса — медиум гораздо более мощный, чем все средства массовой информации, вместе взятые... следовательно, это не они её подчиняют, а она их захватывает и поглощает или, по меньшей мере, она избегает подчинённого положения» [15, с. 52].

То, что транслирует массовая культура и массмедиа, деформирует экологическое сознание людей, и поэтому гуманитарная проблематика имеет исключительно большое значение для формирования новых моральных ценностей как глубинной основы исторических альтернатив, которые могут появиться у человечества в точке бифуркации. Однако в условиях кризиса в поле политики доминируют идеологические догмы и установки, сильно затрудняющие достижение точного, достоверного знания, необходимого для понимания бифуркационного процесса. Дипломированные идеологи и пропагандисты, получив поддержку со стороны власти имущих, стали претендовать на ведущую роль в социально-гуманитарных науках, что неминуемо привело к смешению научных знаний и идеологических представлений. Более того, ПР-технологии дали новый импульс функционированию идеологии, и теперь идеологический компонент присутствует не только в сфере социального управления, но и социального познания, что чревато грубыми ошибками и заблуждениями, особенно при оценке трансформации мирового социума в период бифуркации. Ситуация осложняется не только тем, что массы подвергаются перманентной идеологической обработке, но и тем, что в информационной войне доминирует примитивная идеологическая продукция, и даже тотальное символическое насилие уже не может завуалировать деградацию поля идеологии, в котором все чаще функционируют не высокопрофессиональные эксперты, а дипломированные лакеи. По крайней мере, техника и технологии политического манипулирования показывают, что цель современной информационной войны редуцирована по сути своей к примитивному оболваниванию человеческих масс.

Все это происходит в предкатастрофической ситуации, но ни национальные, ни наднациональные структуры власти не могут обеспечить формирование планетарного экологического сознания, хотя они обладают гигантскими финансовыми, информационными и интеллектуальными ресурсами. *Более того, мы попросту не знаем, как будет реагировать планета Земля на многочисленные антропогенные риски, каждый из которых может вывести человеческий род за пределы его толерантности (закон Шелфорда) [90, с. 161], что будет означать его неизбежный смертельный финал.* Однако мировой правящий класс, судя по всему, видит единственное решение глобальных проблем в том, чтобы ускорить темп оглупления и деградации человеческих масс.

Таким образом, главным препятствием на пути реализации морально-экологического варианта исторического развития человечества является комбинация капитализма, власть имущих и больших человеческих масс, образующих в рамках неолиберализма реакционную коалицию конформистов, обскурантов и мракобесов. В такой ситуации исторические альтернативы, инициированные экологической этикой, активной гражданской позицией экологов и общественным экологическим движением, маловероятны.

2.3. Эскалация глобального социального хаоса

В контексте социосинергетики мировой социум предстаёт как сложная эволюционирующая и самоорганизующаяся система, подчинённая закону энтропии. В соответствии с этим объективным законом мировой социум подвержен процессу социальной деградации, которая со временем может перерасти в глобальный коллапс. Эта наиболее вероятная историческая альтернатива человечества, и мы уже не имеем права игнорировать её социальные и гуманитарные аспекты, тем более что глобализация ускоряет хаотические процессы в современном мире. Между тем инерция линейного мышления серьёзно усугубляет трудности глобальных стратегических решений, так как анализ и выбор конкретной стратегической альтернативы приходится делать в нестабильной ситуации, в потоке сумбурных событий, неадекватных логике стабильной жизни. Поэтому очень важно предвосхитить вероятные альтернативные сценарии, которые в точке бифуркации будут развиваться спонтанно и непредсказуемо, и заранее принять адекватные предупредительные меры. Учёные понимают, что приоритетное научное и этическое значение имеет экологический императив, требующий оптимального и гуманного разрешения планетарных проблем. Однако с их позицией не согласны власти предрешающие, которые хотят сохранить свой статус-кво. В наше время, однако, реакция человека на эти проблемы сводится, скорее, к продуцированию апокалиптических сценариев, явно перегруженных алармистскими интенциями. Это внушает отнюдь не оптимизм, но страх и отчаяние, которые серьёзно умаляют роль научной рефлексии и здравого смысла в исходе глобальной бифуркации.

Несомненно, грядущая бифуркация обусловлена планетарным экологическим кризисом, но она также связана с объективным историческим процессом глобализации, который усиливает взаимозависимость и взаимообусловленность стран и народов мира. В то же время исход бифуркации зависит от такого субъективного фактора, как политика глобализации, которая может быть нацелена на решение наиболее актуальных общепланетарных проблем или, что наиболее вероятно, на защиту узко национальных интересов. Политика глобализации, проводимая американской властвующей элитой в условиях заката потребительской цивилизации, призвана утвердить новый мировой порядок, отвечающий интересам ведущих капиталистических государств, прежде всего США. Однако посредством символического насилия, главным образом через американские массмедиа, вестернизация мира инсценируется как объективный процесс глобализации, отвечающий якобы интересам всего человечества. В связи с этим **П. Бурдьё** писал: «То, что предлагается и навязывается всем как универсальный стандарт любой рациональной экономики, в действительности является универсализацией конкретных характеристик одной экономической системы, укоренившейся в истории и социальной структуре конкретной страны — Соединённых Штатов Америки» [Цит. по: 7, с. 200].

Сегодня политика глобализации, управляемая из Вашингтона, порождает хаотические социальные флуктуации, которые могут в критический момент запустить процесс спонтанной катастрофы, и тогда позитивные усилия политиков и экспертов будут уже бесполезны. Будущая бифуркация, в лучшем случае, кардинально преобразует философские и мировоззренческие основы человеческой цивилизации или, в фатальном варианте, обернётся глобальной катастрофой, которая, как ни грустно, многим представляется наиболее вероятной. Скрытые и явные риски нашего времени нарастают, превращаясь из абстрактного элемента теории вероятности в драматический аспект человеческого бытия. Типичным фоном современной жизни стали наводнения, пожары, землетрясения, эпидемии, взрывы, террор, казни заложников, техногенные катастрофы, локальные войны. Кажется, мир сошёл с ума, но это предположение ничего не объясняет. Чувства бунтуют против дисгармонии человеческого бытия, но этого недостаточно, чтобы понять и объяснить, что происходит в современном мире, который ещё

совсем недавно обещал захватывающие гуманитарные перспективы, а сейчас неожиданно оказался в состоянии социальной турбулентности. По мнению **З. Видоевича**, «глобализация не в состоянии воспрепятствовать новой хаотизации и нарастающим рискам, несмотря на укрепление общемировых связей в технологической и экономической областях. <...> Новый порядок становится порядком хаотизации мира, глобализацией страха и насилия и несёт ещё большую опасность, чем прежний „биполярный“ порядок, поскольку не поддаётся контролю» [Цит. по: 45, с. 213—214].

Действительно, современные статистические данные о социальных тенденциях в мировом сообществе производят весьма мрачное впечатление, причём это касается как отсталых, так и развитых стран.

В Организацию экономического сотрудничества и развития входят 38 стран с развитой экономикой. Эти страны занимают почти 25% всей территории Земли, их население составляет около 1,38 млрд человек, или примерно 17% общемирового. На долю государств-членов ОЭСР приходится около 60% мирового **ВВП** [86]. В 2023 году чистая среднемесячная заработная плата колебалась от порядка 1 000 (Греция) до 6 000 евро (Швейцария) [124].

Согласно Bloomberg, в 2024 году состояние 500 богатейших людей перевалило за 10 трлн долларов [95].

В период с 1987 по 2013 год доля супербогатых в мировом ВВП выросла более чем вдвое — с менее 3% до более 6% [77, с. 67].

Только лишь шестеро наследников империи Wal-Mart имеют в своём распоряжении порядка 69,7 млрд долларов, что эквивалентно доходу 30% представителей беднейших слоёв населения Америки [99, с. 67].

Таким образом, создание класса богатых и сверхбогатых американцев — это не только случайности рыночной экономики, но и печальный итог преднамеренной и сознательной политики господствующего класса, игнорирующего важнейшие социальные интересы большинства американцев (99%).

В то же время на социальную ситуацию в мире негативное влияние оказывает планетарный экологический кризис, который наглядно и конкретно показывает — по западным потребительским стандартам ресурсов Земли на всех не хватит.

По оценкам экспертов, 1 апреля 2026 года население планеты было около 8,284 млрд человек [137], и этот демографический взрыв является беспрецедентной нагрузкой на земной шар.

Ситуация осложняется тем, что распределение на планете в наше время крайне неравномерное: 1% мирового населения владеет половиной всех богатств человечества [97, с. 12].

По данным Всемирного доклада ООН о состоянии водных ресурсов 2024 года, 2,2 млрд человек живут без доступа к чистой питьевой воде, а 3,5 млрд — без доступа к безопасным санитарным условиям [131].

Макросоциальная ситуация в мире резко усугубляется тем, что основная масса населения планеты ведёт отчаянную борьбу за элементарное физическое существование, тогда как богатое меньшинство утопает в баснословной роскоши. Нижние 50% населения мира владеют 2% богатства (по паритету покупательной способности) [112, р. 10].

По данным доклада Всемирного банка «Бедность, процветание и планета» от 16 октября 2024 года, **около 700 млн человек** по всему миру живут на сумму менее 2,15 доллара в день, что составляет 8,5% населения планеты; 44% населения мира живут на сумму менее 6,85 доллара в день, что считается чертой бедности для стран с уровнем дохода выше среднего [116].

В ЕС порог бедности составляет 60% от среднего выравненного располагаемого семейного дохода в стране [1, с. 51]. В 2012 году в странах Европейского союза количество людей, живущих в условиях бедности или социального исключения, достигло 124,2 млн человек (иначе говоря, почти каждый четвёртый европеец был бедным) [1, с. 52].

В 2024 году количество стран с высоким уровнем неравенства сократилось на треть с начала века. Тем не менее 1,7 миллиарда человек (20% населения мира) по-прежнему живут в странах с высоким уровнем неравенства, которые сосредоточены в странах Африки к югу от Сахары, а также в Латинской Америке и Карибском бассейне [134, р. xiv].

Две трети беднейшего населения мира проживает в странах Африки к югу от Сахары, а если учитывать все нестабильные и затронутые конфликтами страны, то этот показатель достигает трёх четвертей [134, р. xxviii].

Искоренение бедности для 3 миллиардов человек, которые борются за выживание менее чем на 6,85 доллара в день, является весьма привлекательной социальной целью мирового сообщества. Однако осуществление этой цели будет сопровождаться вредными экологическими последствиями. По оценкам экспертов, к середине XXI столетия глобальные выбросы увеличатся почти на 50% по сравнению с уровнем 2019 года [134, р. xiv].

В 2022 году выбросы парниковых газов (ПГ) достигли рекордных уровней, и поэтому было захвачено почти на 50% больше тепла, чем в 1990 году. Изменение климата способствует более частым и интенсивным экстремальным погодным явлениям, которые негативно воздействуют на благосостояние населения [134, р. xvi].

Эксперты Всемирного банка печально констатируют, что «глобальная цель по сокращению уровня крайней бедности до 3% к 2030 году оказалась недостижимой. При нынешних темпах она не будет достигнута в течение трёх десятилетий» [134, р. xiii].

В 2010 году средняя заработная плата у американских женщин была на 20% меньше, чем у мужчин (в 1979 году разница составляла 38%), средняя оплата труда афро- и испано-американского населения в этом отношении составила соответственно 80 и 70% (в сравнении с оплатой труда белого населения) [99, с. 409].

В американских колледжах со строгой системой отбора обучается всего лишь 9% представителей нижней социальной половины, в то время как 74% студентов представляют 25% верхушки [99, с. 79].

В Соединённых Штатах под стражей находится 2,3 млн преступников, что в 9—10 раз превышает аналогичные показатели в Европе. Один из десяти взрослых граждан Америки находится за решёткой [99, с. 73].

Как указывает Дж. Стиглиц, «19,9% детей — около 15 миллионов человек — живут в бедности. <...> Для некоторых групп, ситуация гораздо хуже: более 38% черных детей и 30% испаноязычных детей, являются бедными. <...> Неспособность к обучению случается почти в два раза чаще среди детей в семьях, зарабатывающих менее 35 тыс. долларов в год, чем в семьях, зарабатывающих более 100 тыс. долларов. А некоторые **в Конгрессе США хотят сократить продовольственные талоны, от которых зависят около 23 млн американских семей, угрожая малообеспеченным детям голодом**» [100].

В то же время состояние 20 богатейших людей мира, согласно списку Forbes World's Billionaires, оценивается в 2,48 трлн долларов [34].

В 2021 году 10% крупнейших домохозяйств мира владели 76% общего благосостояния домохозяйств и получали 52% от общего дохода [112, р. 10].

Глобальный богатейший 1% состоит из почти 70 млн человек, примерно 36 млн из которых американцы (12% населения США) [77, с. 39].

Таким образом, как пишет Т. Пикетти, «среди наиболее тревожных структурных изменений, с которыми мы сталкиваемся сегодня, — возрождение неравенства почти повсеместно с 1980-х годов. Трудно представить себе решение других крупных проблем, таких как иммиграция и изменение климата, если мы не сможем одновременно уменьшить неравенство и установить стандарты справедливости, приемлемые для большинства людей в мире» [89, с. 30—31].

В наше время информационные технологии, формирующие виртуальную реальность, играют исключительно большую роль в контроле над умами и поведением людей. Неслучайно

развитые страны тратят огромные ресурсы на восхваление внешних атрибутов демократии, тогда как острейшие социальные проблемы интересуют западный правящий класс лишь в незначительной степени. Чрезмерные социальные контрасты в современном мире мешают ясно и отчётливо осознать драматические перспективы человеческой цивилизации: у богатых возникает иллюзия индивидуального спасения, тогда как у бедных нет знаний и времени, чтобы задумываться над глобальными проблемами. Более того, маленькие потребительские радости, например чипсы, пиво и примитивные зрелища, вызывают у масс субъективное ощущение, что мир не так уж плох, даже если он в действительности несправедлив. Прелестные картинки, тиражируемые массовой культурой, также внушают ложные представления о социальном состоянии в мировом сообществе, поскольку виртуальные образы, перформансы и кумиры более яркие и занимательны, чем жизнь большинства людей, существующих в мире социального неравенства, бедности и культурной отсталости. При этом они сами и их проблемы весьма редко попадают в каналы массмедиа, и потому создаётся впечатление, будто всё прекрасно и «всё к лучшему в этом лучшем из миров». Массы, таким образом, оказываются в безрадостной ситуации, которая принуждает их к бегству в призрачный мир искусственных стимулов и желаний, чтобы забыть о рисках и угрозах современной жизни. Это бегство, в свою очередь, усугубляется тем, что человек расстался с традициями, помогавшими ему ориентироваться в реальной жизни, и свобода оказалась для него мучительным бременем, порождающим авторитаризм, разрушительность, автоматизирующий конформизм [106, с. 120—174]. Более того, свобода и плюрализм мнений сделали проблематичной не только традицию, но и даже научную истину, которая в контексте постмодерна объявлена ненужной и бесполезной. И хотя антиинтеллектуализм в XX веке продемонстрировал небывалую демоническую силу, сегодня сумерки разума уже почти никого не удивляют. Кажется, гибель рационалистической традиции модерна неизбежна, причём на этот раз в глобальном масштабе, и эта умопомрачительная перспектива разрушает последние иллюзии относительно рациональности человека и социума.

Смутно ощущая нарастание социального и морального хаоса, индивид пытается найти спасение в массовой культуре, игнорирующей глубокие философские и религиозные смыслы человеческого бытия. Но это приводит к тому, что индивид, фрустрированный собственным атомизированным существованием, остаётся наедине с абсурдом, приятно украшенным гримасами чувственной культуры, безразличной к экзистенциальным смыслам человека. Индивид непрерывно поглощает артефакты массовой культуры, но не испытывает утешения в бессмысленной ситуации. Напротив, он ощущает глухое раздражение, потому что гедонистическая иллюзия, внушаемая рекламой и PR, оборачивается новым разочарованием, которое с каждым разом требует все более и более сильных чувственных раздражителей. Поэтому даже индустрия развлечений бессильна утешить массового человека, утратившего историческую перспективу и аутентичный смысл жизни. Однако массовая культура, бесплодная с точки зрения подлинных ценностей, может в то же время тотально контролировать как социокультурные, так и физиологические аспекты человеческого существования. Хотя возвышенная риторика о служении народу звучит постоянно, производители масскульта, повинаясь неизбежному закону прибыли, эксплуатируют влечения и желания человека. В результате человеческие существа нивелируются стандартной массовой культурой, которая априори отвергает уникальный смысл индивидуальной человеческой жизни, не корреспондирующий с императивами рыночной экономики. По сути, подлинные ценности заменяются грубыми суррогатами чувственного удовольствия, и масса жаждет зрелищ, чтобы проклятые вопросы нашего времени не терзали несчастное сознание. Это символическое насилие носит скрытый психосемантический характер и эксплуатирует иррациональные настроения и влечения людей.

Потребительский подход, акцентирующий внимание на массмедийных развлечениях, превалирует и в сфере политики. В информационную эпоху средства массовой информации играют ключевую роль в политическом соперничестве и, следовательно, в функционировании

политических институтов. СМИ манипулируют массой, так как извлекают из этой ситуации не только вполне понятную материальную выгоду, но и символические дивиденды, необходимые деградирующей элите для легитимации её социально и политически обанкротившейся власти. По сути, институты демократии утратили свой аутентичный смысл и стали просто яркой декорацией, маскирующей корпоративные интересы властвующего меньшинства. Выборы, публичное волеизъявление, народовластие — все это превратилось в рекламное шоу, где внешне бал правят пиарщики и политехнологи, но на самом деле они лишь выполняют политический заказ правящего класса. Избирательный цикл 2024 года в США обошёлся в 14,7 млрд долларов для 11 000 политических групп [84]. Огромные финансовые ресурсы были истрачены на телевизионную рекламу и интернет-рекламу. Медиатизация политики, таким образом, требует огромных денежных средств, но это противоречит принципу политического равенства граждан, классической идеологеме «о равных возможностях» в демократическом обществе.

Неустойчивость демократии в эпоху постмодерна усугубляется множеством причин, но шокирующим фактором, который буквально на глазах уничтожает принципы и ценности цивилизованной демократии, выступает терроризм. Это адское явление становится будничным кошмаром для западной цивилизации, которая, несмотря на своё подавляющее военно-техническое доминирование в мире, оказалась бессильна перед террористическими атаками воинствующих фанатиков. Террор превращается в безумную игру в политическом пространстве, где жертвами становятся все. К сожалению, современная демократия слишком много ресурсов тратит на то, чтобы репродуцировать банальные слова о свободе и правах человека, и уже не способна реально осуществить свою главную задачу — обеспечить безопасность жизни людей, что является высшим законом любого цивилизованного государства. Чрезвычайно опасно в новом тысячелетии оказаться во власти исторической инерции, устаревших стратегических стереотипов и установок, унаследованных от эпохи холодной войны. Абсолютизация стратегии американского превосходства может обернуться не только необъективной оценкой ресурсов и возможностей США, но и трагическими ошибками вроде локальных войн, которые превращаются в источник неконтролируемого хаоса.

В начале XXI века кризис Запада — мирового политического лидера — становится совершенно очевидным фактом. Западная демократия столкнулась не только с внешними угрозами, но и внутренними проблемами, которые вызывают нарастающее разочарование в существующей демократической системе. Теория демократии выглядит безупречно, но её реальная практика далека от идеала. Единственным источником власти, согласно доктрине народного суверенитета, является народ, который знает социальные проблемы и формулирует рациональные суждения о путях их решения. Избиратели делегируют меньшинству не только своё право на власть, но и своё знание об общественных делах. Казалось бы, избранному правящему меньшинству остаётся только точно и адекватно реализовать политическую волю избирателей, и идеал демократии, таким образом, будет достигнут. Однако на практике делегирование порождает узурпацию, поскольку «когда акт делегирования осуществляется одним лицом в пользу другого, то все относительно ясно. Но когда одно лицо получает полномочия от множества лиц, оно может оказаться облечённым полномочиями, трансцендентными по отношению к каждому из доверителей» [18, с. 233—234]. К тому же ситуация осложняется тем, что правящий класс может воспользоваться эгоцентрической стратегией властвования, превращаясь в эрзац-элиту, озабоченную своими эгоистическими и групповыми интересами и, соответственно, индифферентную к чаяниям и нуждам населения. В США, например, средние зарплаты не увеличиваются уже на протяжении 40 лет [97, с. 161].

Опыт электорального поведения во многих странах также показывает, что нормативная модель демократии не соответствует реальной жизни и, более того, объективно не достижима. В частности, не подтверждается постулат о рациональной рефлексии граждан относительно социальных проблем. Напротив, большинство избирателей голосуют под суггестивным

влиянием СМИ, демонстрируя при этом массовую апатию к политике, в которой ключевую роль играют деньги. На взгляд **Дж. Стиглица**, «политика становится местом боевых действий за передел государственного экономического пирога, на котором успешнее всего показывает себя 1 процент самых богатых. И эта ситуация вовсе не предполагает демократию [99, с. 186]. Фактически получается, что для преобладающего большинства людей политическая клоунада более интересна и важна, чем серьёзная аналитическая программа политика. Лишь весьма незначительная часть электората сопротивляется общественному конформизму и имеет собственное мнение о национальных проблемах, отчётливо артикулируя его в ходе выборов. Напротив, большинство людей, разочарованных в элитарной практике либеральной демократии, не выполняют свои гражданские функции. В 2024 году лишь около 63% американцев, имеющих право голоса, проголосовали на президентских выборах [126]. В целом средний процент граждан, пришедших на выборы в последние годы, составляет 57%, а выборы в палату представителей — 37,5% [99, с. 202—203]. Таким образом, бегство от либеральной демократии — объективный факт. Он означает, что в действительности многие привлекательные атрибуты теории демократии обратились в миф, тиражируемый гигантской индустрией массмедиа. Это приводит к странной и абсурдной ситуации, где доминируют пресловутые симулякры демократии (свобода, права человека, равные возможности), которые искажают и хаотизируют современную общественно-политическую жизнь. В результате люди имеют слишком много информации о многом, но не знают, что делать в реальной политике, чтобы в ситуации нарастающей неопределённости и нестабильности предотвратить возможный социальный коллапс.

Таким образом, в западном сообществе нарастают дисфункции политического рынка, эгоцентризм и безответственность власть имущих, невежество и абсентеизм избирателей, серьёзно ослабляя возможности Запада в будущем. Западный правящий класс не способен ответить на глобальные вызовы эпохи бифуркации, так как он слишком озабочен своими текущими эгоистическими интересами и совершенно не думает о будущем. По сути, он превратился в замкнутую высокомерную касту, не желающую отказываться от своих баснословных привилегий. Однако алчность бессильна против объективного закона социальной энтропии, и западный правящий класс, что бы там ни было, обречён на деградацию. Тот факт, что проблемы мирового сообщества решаются посредством примитивных военных акций, говорит о его моральном вырождении. В общем, политика западного правящего класса явно противоречит принципам гуманистической европейской философии.

Несомненно, современный мир становится неустойчивым, опасным и непредсказуемым, но мы продолжаем мыслить линейно и безальтернативно даже тогда, когда возникает необходимость выбора. Нам нравится оставаться во власти привычных представлений и установок, потому что это комфортно. Несмотря на трагический опыт истории XX века, мы по-прежнему сохраняем алогичную надежду, что всё обойдётся и мировой кризисный социум спонтанно восстановит свой утраченный порядок. Этот недостаток мышления, вполне терпимый в стабильной ситуации, становится совершенно неприемлемым в условиях глобального кризиса, когда события выходят из-под контроля и угрожают взрывом социальной ненависти. Мы до сих пор не осознаем, что такое разрушительный социальный хаос в сверхсложном обществе. Мы надеемся на благополучный исход, потому что прошлый опыт носил в основном линейный и локальный характер. Между тем мировой социум быстро движется к состоянию глобальной неустойчивости, в то время как стратегии формировались в контексте линейной культуры и имели дело с локальными задачами. В условиях прогрессирующей неопределённости такие стратегии становятся контрпродуктивными. Тем не менее многие продолжают разделять традиционные представления, поскольку природа, культура и история сформировали в основном линейные и локальные знания, неадекватные нашему веку, веку нарастающей неопределённости и хаоса.

Кризисная ситуация предъявляет особые требования не только к знаниям, но и профессиональной этике в социально-гуманитарных науках, поскольку возникает серьёзное противоречие между принципом научного объективизма и моральной ответственностью учёного, когда он вмешивается в практическую политику. «Социологи... заставляют себя отказываться от любых поползновений предложить идеальное и глобальное представление о социальном мире, видя в этом нарушение научной морали... уступая тем самым утопическую функцию менее щепетильным и менее компетентным из собратьев либо же политическим деятелям или журналистам» [18, с. 316—317]. Поэтому необходимо найти разумное согласие и новые формы сотрудничества между интеллектуалами, занимающими критическую позицию, и общественными движениями, которые стремятся изменить социальный порядок. Когда проблемы резко обостряются, явно недостаточно только выдвинуть теоретическую схему их объяснения. Главная задача социальных наук состоит не в том, чтобы объяснить негуманный социальный порядок, а в том, чтобы объяснить и изменить его на основе общественного консенсуса и научно обоснованного идеала социальной справедливости. Сегодня крайне важно предложить релевантные теоретические идеи и методы, способные разрешить актуальные проблемы кризисного социума или, по крайней мере, наметить пути их научного осмысления. По мнению **П. Бурдьё**, «пришло время преодолеть старое противостояние утопизма и социологизма для того, чтобы предложить социологически фундированные утопии. Для этого было бы необходимо, чтобы специалисты по социальным наукам смогли бы сообща освободиться от пут цензуры, которые они сочли необходимым для себя наложить во имя изуродованной идеи научности» [18, с. 315—316].

Критическая и этически ответственная позиция П. Бурдьё импонирует многим социологам, поскольку они осознают нарастающие риски глобальной бифуркации. В сущности, он призывает социологов играть более важную интеллектуальную, политическую и моральную роль в современном социальном мире. Согласно структурно-синергетической концепции, в неустойчивом социуме, который находится в точке бифуркации, весьма велика роль новых знаний, новых ценностей и ярких харизматических личностей. Отсюда следует, что социологические знания способны влиять на социальные процессы, и это позволяет нам, социологам, не только изучать социальные проблемы, но и оказывать моральное давление на политические классы. Это принципиально важно, так как социологи ориентированы на то, чтобы содействовать решению глобальных проблем современности. Напротив, западный правящий класс руководствуется групповым эгоизмом и игнорирует то, что волнует человечество. Более того, не скрывая своих милитаристских амбиций, он осуществляет имперскую стратегию, нацеленную на доминирование в мировом геополитическом пространстве. Вот почему в наше время честная и ответственная позиция учёных имеет большое значение в социологическом исследовании, прежде всего в научно-доказательном обосновании социальных изменений, отвечающих интересам преобладающего большинства человечества.

2.4. Власть и масса в условиях эскалации глобального социального хаоса

Мировой финансово-экономический кризис, о котором предупреждали отдельные эксперты, не разделяющие чрезмерного оптимизма экономического мейнстрима, стал объективным историческим фактом. По иронии истории политический восторг Запада по поводу краха СССР и мировой системы социализма, воплощённый в победоносных фантазиях о «конце истории», неожиданно столкнулся с мировым кризисом. В мире нарастают сумбурные, хаотические процессы, обостряющие борьбу индивидов, народов и государств за социально-историческое выживание, хотя ещё вчера капитализм, казалось бы, демонстрировал триумф в масштабе всего земного шара. Мировой кризис окончательно разрушил либеральный миф о

«конце истории». Нет и тени сомнения, что финансово-экономический кризис, охвативший всю систему глобального капитализма, будет сопровождаться социальными и политическими потрясениями. Так, например, **Ж. Аттали** пишет: «Депрессия может повлечь за собой такой обвал цен, который будет не в состоянии сдержать активный подогрев экономики. В результате мировой финансовый кризис грозит превратиться в социальный и политический. <...> Вся ответственность за случившееся ляжет на индивидуалистическую и лицемерную идеологию общества в целом, а вместе с ней — на демократию» [2, с. 15]. В этой ситуации проблема социальной эмансипации человека, общества и природы становится весьма актуальной. Способен ли мировой кризис инициировать социальные изменения гуманного и справедливого характера или всё останется по-старому? Какую роль в исходе мирового кризиса могут сыграть массы и власти предохраняющие?

Попытка ответить на эти вопросы имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Как известно, проблема социальных изменений является одной из самых важных в социальных науках. Однако её научное исследование затруднено тем, что обществоведы находятся в тенетах определённой идеологии, которая неявно выполняет функцию метатеории. Это приводит к тому, что дискуссии в общественных науках становятся бесконечными, а их результаты — ничтожно малыми. Истина исчезает в информационном шуме. В век Интернета мы столкнулись с глобальной проблемой: информации невероятно много, но в силу логики плюрализма выбор в пользу рациональных знаний становится всё более и более затруднительным. Кроме того, научные понятия, разработанные для познания стабильной ситуации, не могут дать верное описание и объяснение процессов «текущей современности». Британский социолог **З. Бауман** подчёркивает серьёзную методологическую проблему: «Было бы опрометчиво отрицать или даже преуменьшать глубокие изменения условий человеческой жизни, связанные с наступлением „текущей современности“. Отдалённость и недостижимость системной структуры в сочетании с неструктурированным, текучим состоянием непосредственных обстоятельств реализации жизненных принципов радикально изменяют эти условия и требуют пересмотра старых понятий, которые использовались в качестве рамок при их описании» [3, с. 14].

Кризис — это ситуация выбора, но неопределённость резко осложняет рациональное мышление, необходимое для непредвзятого анализа различных альтернатив. Эскалация социальной турбулентности показывает, что нужны новые смыслы, новые идеи, способные изменить человеческое бытие к лучшему. Но правящий класс направляет общественные устремления, процессы и движения в выгодное им политическое русло. В современном обществе непрерывно воспроизводят декларации и лозунги о свободе, но «под властью репрессивного целого права и свободы становятся действенным инструментом господства. Для определения степени человеческой свободы решающим фактором является не богатство выбора, предоставленного индивиду, но то, что *может* быть выбрано и что *действительно* им выбирается» [75, с. 10]. Массы, подвергнутые подавлению через репрессивные потребности, оказываются во власти политической апатии и тем самым невольно закрепляют господство властвующего меньшинства, не слишком озабоченного гуманитарным будущим человеческого рода.

В водовороте кризисных событий особенно остро встаёт вопрос о роли масс и массовой культуры в исходе кризиса современного капиталистического общества. Ещё в прошлом столетии **Г. Маркузе** отмечал: «Тот факт, что подавляющее большинство населения принимает и вместе с тем принуждается к приятию этого общества, не делает последнее менее иррациональными и менее достойным порицания» [75, с. XVI]. Атомизированные массы не способны осознать свои подлинные интересы и тем более воплотить их в разумной исторической альтернативе. Это обусловлено структурой господства правящего класса над массами, не допускающего альтернативные исторические возможности. Правящий класс доминирует в обществе, осуществляя латентную власть в небывалых масштабах. Если репрессивное государство функ-

ционирует открыто и прямолинейно, то индустрия массовой культуры, технологическая рациональность и гедонистическая идеология воспринимаются массами как виртуальная реальность, не имеющая никакого отношения к инструментарию легитимизации власти имущих. Поэтому массы в целом довольны потребительской свободой и материальным комфортом, но это свидетельствует лишь о том, что общество научилось «использовать научное покорение природы для научного порабощения человека» [75, с. XVII]. В этих условиях возможность кардинальных социальных перемен минимальна, тем более что массовое потребление привело к тому, что на политической сцене исчезли акторы исторических преобразований. Это, конечно, не конец истории, но возможность «царства свободы по ту сторону необходимости» выглядит маловероятной.

Таким образом, возникает парадоксальная ситуация: кризис порождает объективную потребность в глубоких социально-исторических изменениях, но акторы этих изменений отсутствуют. Власть имущие и управляемые массы одинаковы в том, что обе стороны стремятся законсервировать существующую до кризиса систему, потому что и те и другие хотят приспособиться к новому вызову, ничего не меняя в своей жизни по существу. Социальные риски и активность никому не нужны, и конформисты, преобладающие в современном обществе, желают только покоя, комфорта, удовольствий, запуская и поддерживая цикл деградации, который пока удачно маскируется технологическими успехами. Этот цикл деградации, обещающий приятную, гедонистическую жизнь, весьма устойчив, и лишь отдельные личности проявляют критическое отношение к современности, тогда как конформистское большинство охотно остаётся в тенетах потребительской идеологии. Торжество консьюмеризма и репрессивных потребностей сопровождается социальной и моральной атомизацией индивидов. «Именно поэтому в цивилизациях, где толпы играют ведущую роль, человек утрачивает смысл существования так же, как и чувство „Я“. Он ощущает себя чуждым в скоплении других людей, с которыми он вступает лишь в механические и безличные отношения. Отсюда и неуверенность, и тревога у каждого человека, чувствующего себя игрушкой враждебных и неведомых сил» [82, с. 28—29].

Эскалация глобальной социальной неустойчивости — объективный факт, завуалированный шумными, но поверхностными событиями в поле политики, подчинённой логике не общественных интересов, но эгоцентризма, конъюнктуры и рекламы. Правящему классу удаётся внушить обществу множество социальных иллюзий, широко используя для этого перманентное манипулирование влечениями масс. Центральную роль в этом процессе играет потребительская идеология, так как в наше время потребление приобрело абсолютно гипертрофированные масштабы и стало, по сути, «болезнью, угрожающей миру». Идеология массового потребления, несмотря на критику со стороны интеллектуалов, внушает простую мысль: счастье возможно даже в мире, где царит абсурд. Иллюстрацией счастливой жизни служит демонстративное потребление, потребительский ажиотаж и перманентная реклама товаров и услуг. Массы вполне искренне считают, что единственной формулой счастья выступает совокупность товаров и услуг, потреблённых человеком. Эта примитивная формула управляла поведением людей многие столетия, а сегодня превратилась в непоколебимую догму массового сознания, тиражируемую индустрией массовой культуры. По мнению **Альберта Швейцера**, «с подневольным существованием органически связано перенапряжение людей. В течение двух или трёх поколений довольно многие индивиды живут только как рабочая сила, а не как люди» [110, с. 240].

В XXI веке эта ситуация усугубляется, и триумф консьюмеризма приобретает особенно уродливые черты, вызывающие восторг лишь у дипломированных лакеев власти имущих. Экзистенциальная драма деградирующего капитализма состоит в том, что богатое меньшинство не желает ограничивать свою баснословную жадность, которая в эпоху глобализации стала объективной угрозой для всего человечества. Подавляющее большинство людей ведёт убо-

гое социальное и культурное существование, но массовая культура внушает им искусственные приятные иллюзии. Человек уже не желает замечать, а тем более думать, что «абсолютная праздность, развлечение и желание забыться становятся для него физической потребностью. Не познания и развития ищет он, а развлечения — и притом такого, какое требует минимального напряжения» [110, с. 241]. Дело здесь, разумеется, не только в колоссальной роли, которую играет индустрия массовой культуры, во многом формирующая массовое общество, но и в том, что сегодня произошёл скачок в развитии общественной жизни: массы остались наедине с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.